

International Journal of Russian Studies

Uluslararası Rusya Araştırmaları Dergisi

ISSN: 1307 - 3419, Ankara - TÜRKİYE

Volume 1/1 January 2008 p. 58-48

www.radtr.net

**О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ СЛУЖЕБНЫХ СЛОВ В КОГНИТИВНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ**

Александр Цой

Summary

This article discusses the correlation of the semantics of conjunctives and of the diverse relations they can express in discourse. While indicating the presence of relativity meaning in the frame (the minimally necessary structured information which unambiguously defines a class of objects), conjunctives as subsignes specify relations in context. Conjunctives not only belong to the most frequently used words, but also denote the most general relations among things and ways of articulation of thought. To express an idea the speaker forms the deep-laid structure of the utterance and projects various relations (relations which allow adequate understanding of the utterance) on the surface structures. In the study of conjunctives in terms of the relations they express, the anthropocentric approach makes it possible to define the mechanism of the functioning of conjunctives in the Russian language more precisely.

Key words: Russian prepositions, conjunctions and particles as conjunctive words, the semantics of conjunctives, general relations, the mechanism of functioning of conjunctives, conjunctives as subsignes

Современный этап развития языкознания можно определить как этап антропоцентризма, основное положение которого в кругу лингвистических дисциплин обусловлено тем, что естественный язык, являясь орудием познания, средством кодирования и декодирования информации, средством коммуникации, остается фактом мыслительной деятельности человека. В познании человека существенная роль принадлежит науке о языке. Расширение предмета лингвистического изучения, вызванное как внутренней эволюцией языкознания, так и активным вторжением логики, психологии, социологии, этнографии и других дисциплин в традиционные сферы интересов языковедения, привело к тому, что возникла необходимость анализа понятий, принадлежащих нескольким гуманитарным наукам. Эти понятия представляют собой концептуальное ядро складывающейся единой науки о человеке.

Изучение феномена языка с позиции его пользователя и носителя дает ключ к пониманию многих языковых проблем, которые уже не могут быть объяснены только самой грамматикой. Антропоцентризм делает языковую личность центром филологического научного исследования, поскольку он проявляется во всех аспектах языка: в лексике, тексте, прагматике, коммуникации и т. д. Научный интерес к человеку, его внутреннему миру, обусловлен еще и тем, что в социальной сфере происходят изменения в направлении гуманизации общества. «Антропоцентрический поворот» в изучении лингвистических проблем состоит в том, что человек выделяется из сферы объективной тотальности как главный субъект и объект языковой деятельности. Взаимодействие человека как субъекта с окружающим миром многоаспектно: он живет в окружающем его социальном мире, находится в коммуникации с одним или несколькими его индивидами, развивает и формирует себя. Антропоцентризм изучает человека как целостное явление, присваивая ему в лингвистике статус языковой личности. В понятии «языковая личность» аккумулированы философские, социологические и психологические взгляды на общественно значимую совокупность физических, духовных и мыслительных свойств человека, составляющих его качественное содержание. Затем эти взгляды экстраполируются в область языкознания, поскольку окружающая действительность в глобальном смысле отражена в языке, в нашем случае – в русском.

Антропоцентрическое изучение языкового сознания есть поворот к человеку как носителю языка, оно позволяет увидеть под новым углом зрения специфику функционирования языка. Предполагается, что человеческую реальность следует объяснять ею самой, а не как подчиненную внечеловеческому бытию, то есть антропоцентризм как принцип исследования детерминирован: человек становится точкой отсчета при анализе всех изучаемых явлений, он вовлечен в этот анализ, определяя его перспективу и конечные цели, сам становится объектом анализа. Языковая личность характеризуется вербально-семантическим, когнитивным и прагматическим уровнями. Каждый из перечисленных уровней оперирует определенным набором «единиц и отношений, которые коррелируют с единицами и отношениями, традиционно используемыми при изучении языка как системы» [Караулов, Гинзбург, 2003, с. 6]. Вербально-грамматический уровень представлен такими единицами и отношениями, которые используются при описании лексического и грамматического строя языка: слово, значение, словоформа, дериват, синоним, словосочетание, синтаксема, морфема, управление, согласование и т. д. Единицами когнитивного уровня являются: денотат и сигнификат, интенционал и экстенционал, термин, фрейм, генерализованное высказывание, фразеологизм, наглядный образ, метафора, каламбур и др. В состав прагматического уровня входят: пресуппозиция, дейксис, элементы метаязыковой рефлексии, разного рода оценки и предпочтения, прецедентные тексты, способы аргументации, планы и программа поведения [Караулов, Гинзбург, 2003, с. 6].

Когнитивный уровень, как представляется, является ведущим в структуре языковой личности. Когниция (cognition, kognition) обозначает «познавательный процесс или же совокупность психических (ментальных, мыслительных) процессов – восприятия мира, простого наблюдения за окружающим, категоризации, мышления, речи и пр., служащих обработке и переработке информации, поступающей к человеку либо извне по разным чувственно-перцептуальным каналам, либо уже интериоризированной и реинтерпретируемой человеком... Когниция есть проявление умственных, интеллектуальных способностей человека и включает осознание самого себя, оценку самого себя и окружающего мира, построение особой картины мира – всего того, что составляет основу для рационального и осмысленного поведения человека»

[Кубрякова, Демьянков, Панкрац, Лузина, 1997, с. 81]. Исходя из этого определения, когнитивный уровень определяется как важная составляющая мышления, а мышление представляет собой высшую форму творческой активности человека как языковой личности. Мышление человека постоянно развивается и самоорганизуется, основываясь на когнитивном опыте. Как представляется, языковая личность как данность человека всегда индивидуальна, она находится в состоянии постоянного развития.

В науке распространено мнение, что язык – «это сложный, специализированный навык, который самопроизвольно развивается в ребенке и не требует осознанных усилий или систематических наставлений; не связано это развитие и с постижением глубинной логики языка» [Пинкер, 2004, с. 11]. Актуально в связи с этим предположение Н. Хомского о том, что существуют общие для всех людей врожденные предпосылки усвоения языка: грамматическая информация, хранимая в универсальной для всех языков форме, генетически передается из поколения в поколение. Н. Хомский считает «глубинные структуры» *врожденными* человеку как существу, осуществляющему «осмысленную речь». С его точки зрения, эти структуры явным образом присутствуют в человеке до того момента как он сумел построить первую фразу на родном языке, иначе говоря, происходит проекция глубинных структур на поверхностные формальные структуры, то есть особенных схем языка, представленных грамматикой и словарем. Н. Хомский с картезианских позиций допускает параллельность двух интерпретаций: глубинные структуры представлены в виде морфологически встроенных в человека схем работы его мозга, или в виде схем каким-то образом вселяющейся в этот мозг чисто духовной, абсолютно бестелесной «души». Научно обоснованных данных, отрицающих интерпретации Н. Хомского, нет, точнее, они до сих пор не опровергнуты. «Глубинные структуры», выявленные Хомским, действительно складываются в онтогенезе, в процессе развития ребенка раньше, чем он становится способным говорить и понимать речь. Полагаем, что нативизм Н. Хомского в сочетании с результатами социализации ребенка и получаемым им в результате этой социализации языковым и когнитивным развитием во многом объясняет скорость усвоения любого языка двухлетним ребенком, который оказывается в соответствующей языковой среде. До пятилетнего возраста дети обучаются грамматике

родного языка через речь: генетически заложенная грамматика работает только в этот временной период (от двух до пяти лет). Если в этом возрасте ребенок не получает возможности овладеть речью, то после этого периода он лишается способности говорить [Иванов, 1978, с. 47 – 50]. Релевантность языка для познания глубинных структур, доступность анализа поверхностных структур как источника сведений о процессах, происходящих на всех уровнях языковой личности, делает лингвистику основной дисциплиной, способствующей раскрытию механизмов функционирования этих структур.

Под «глубинными структурами» языковой личности 5;ами понимаются схемы и формы речемыслительной деятельности человека, осуществляющейся как вербальными, так и невербальными средствами. Очевидность, осязаемую реальность в виде «глубинных структур», или сенсомоторных схем, как их называет Ж. Пиаже, то есть схем непосредственной деятельности становящегося человека с вещами и в вещах в виде сугубо телесного феномена – взаимодействия одного тела с другими телами, вне его находящимися [Пиаже, 1983, с. 133 – 136]. Эти «глубинные структуры» и есть то самое, что философия определяет формами мышления. Р. Том высказал по этому поводу гипотезу, суть которой в том, что «глубинная структура» языка (основное смысловое строение фразы) – это наше чувственное восприятие мира, тогда как «поверхностная структура» (отражаемая в реальных грамматических формах и словаре) принадлежит языку [Иванов, 1978, с. 50 – 54]. К глубинной структуре языка следует отнести наши знания, чувственный опыт, абстракции, образы, аналогии, отдельные понятия, известные законы и теоретические основания, в которых отражается понимание поверхностной структуры предметной области. Поверхностные структуры есть в основном внешние проявления глубинных структур. Они позволяют делать некоторые (часто весьма вероятные) предположения: например, высказывание, построенное на основе глубинных знаний, но неправильно сформулированное, не может быть надежным и ценным, хотя с точки зрения поверхностных структур построено верно. В принципе, любая поверхностная структура есть отражение, способ интерпретации, выражения и объяснения глубинной структуры. К глубинным структурам, помимо совокупности эмпирических ассоциаций, ментального опыта языковой личности, фреймов и когнитивных, семантических, лексических,

ассоциативно-вербальных сетей, являющихся сутью глубинных знаний, следует отнести пространственные, временные, причинно-следственные и другие отношения, которые выполняют связующую функцию между понятиями предметной области. Глубинные структуры представляются более гибкими и адаптивными и как результат обобщают первичные понятия предметной области в некоторые абстрактные структуры, часто не имеющие вербального описания. Степень обобщенности знаний, связанных с глубинными структурами, прямо указывают на опыт языковой личности. Глубинные структуры можно обозначить как совокупность записей на языке представления наивных и научных знаний, которые позволяют изменять и дополнять эти знания.

Говоря о поверхностных формальных структурах, необходимо поднять вопрос значимости ее (лексических) единиц, которые служат элементами их наполнения. В этом плане специфической особенностью, а следовательно и значимостью, обладают служебные слова, которые вместе с другими наиболее употребительными словами создают лексико-грамматическую структуру текста и обеспечивают понимание текста любой длины. «Первые 50 частотных слов, несомненно, составляют грамматический словарь. Единицы такого словаря общеизвестны, они образуют основную ткань почти любого сообщения, а, следовательно, и самого процесса мышления» [Засорина, 1966, с. 87]. Среди этих слов – предлоги, союзы и частицы. Особенность служебных слов заключается в их морфологической неизменяемости, в слитности их категориальных грамматических и лексических значений, в их немногочисленности, но высокой частотности употребления.

Слова, выполняющие неноминативную функцию (то есть не являющиеся названиями предметов, признаков, процессов, а служащие для выражения отношений между явлениями действительности, названными знаменательными словами, и употребляющиеся только в соединении с последними), в русском языкознании отнесены к служебным. Служебные слова неизменяемы, морфологически нечленимы, с фонетической стороны характеризуются тем, что, как правило, безударны: – они проклитики или энклитики. Не обладая номинативной функцией, служебные слова не являются членами предложения, а используются как формально-грамматические средства языка: предлоги выступают в синтаксемах, союзы – при однородных членах и

в сложных предложениях, частицы – при отдельных словах и в вопросительных и восклицательных предложениях. Как известно, предлоги – лексически несамостоятельные слова, которые служат для выражения различных семантико-синтаксических отношений между словами, союзы – лексические единицы, служащие для выражения различных семантико-синтаксических отношений между предложениями и частями предложений, частицы служат для выражения разных оттенков субъективной модальности.

Служебные слова, в отличие от знаменательных частей речи, выделяются в особые части речи по их синтаксической функции, то есть в соответствии с их выражением отношений между словами, словоформами или предложениями; но несомненно также, что содержание этой функции есть в то же время и значение этих слов, причем невозможно однозначно определить это значение по рангу: является ли оно основным или сопутствующим, поскольку явного сочетания двух различных по функции значений (лексического и грамматического) в них нет. Особенностью семантики служебных слов является и то, что интуитивно воспринимаемое как отдельное значение, в реальности описывает различные денотаты, причем в такой степени, что объективную репрезентацию значения получить невозможно.

Антропоцентрическая парадигма ставит перед собой задачу объяснения соотношения семантики служебных слов с существующим многообразием выражаемых ими отношений, имеющих место в когнитивном пространстве языковой личности.

Семантика выражения отношений с помощью служебных слов представляет особый лингвистический интерес, поскольку раскрытие того, как система отношений кодируется в естественном языке, может, с одной стороны, указать на способы эффективного представления релятивной информации в словарных дефинициях, а с другой, установить природу когнитивных механизмов обработки передаваемой информации языковой личностью, которая обеспечивает доступ к когнитивному коду служебного слова, способствующему восприятию информации естественного языка и невербальных способов. В этом плане, как представляется, положительным может оказаться рассмотрение служебных слов с точки зрения теории знака.

Итак, слово как знак обладает следующими свойствами: а) преднамеренностью, под которой понимается целенаправленность и контекстуальная (ситуационная)

необходимость использования знака; б) двусторонностью – это план выражения и план содержания знака; в) конвенциальностью, которая определяется как общественная договоренность закрепления за знаком консенсусного содержания; г) системной обусловленностью, которая связана с содержанием других знаков, со всем устройством данной системы. Слово как полноценный знак, являясь производным от языка как целого, обладает всеми перечисленными свойствами. С точки зрения теории знака, служебные слова, а именно предлоги, союзы и частицы, представляют собой субзнаки, поскольку в отличие от полноценных знаков не используются самостоятельно в качестве номинантов. Они употребляются только в сочетании с полноценными знаками, несмотря на то, что обладают такими критериями знака, как двусторонность (план содержания и план выражения), конвенциальность, а также свойством преднамеренности в употреблении.

Служебные слова как известно и как уже указывалось, семантически не обозначают предметы, процессы, свойства и т. д., морфологически не изменяются и не обладают грамматическими категориями и синтаксически не занимают позицию члена предложения. Специфической особенностью служебных слов, в отличие от знаменательных, является то, что они выполняют оперативную функцию. Поэтому служебные слова иногда называют структурными или функциональными словами. Различают также оперативные прагматические части речи (модальные слова, частицы) и оперативные грамматические части речи (предлоги, союзы) [Гладров, 2004, с. 219].

Предлоги выражают синтаксическую зависимость существительного от других слов в составе словосочетания. Предлог связывает существительное (зависимое слово) и какое-либо другое знаменательное слово, формируя связь между словами (*вышел во двор*), он выступает в соединении с существительным в косвенном падеже: *мокрый от дождя, деревня у дороги, пришел в новый музей*. Так, в предложениях: *Я в лесу; Я в метро* предлог *в* выполняет следующие функции: а) указывает на пространственные отношения; б) замещает глагол *нахожусь – пребываю*; в) указывает на связь субъекта и места, в котором находится субъект. Так как предлоги непосредственно связаны с формами слова (падежными окончаниями), то считается, что предлоги предсказывают, определяют грамматическую форму последующего слова или слов. Кроме этого предлоги участвуют в синтаксической связи подчинения на уровне простого

словосочетания (*пошёл в магазин*) и замыкания, создающего глубинную структуру предложения на уровне отдельного члена предложения в сложном словосочетании (*пошёл в ближайший магазин*).

Первичные предлоги, как правило, являются многозначными, вторичные (производные) – однозначными, причем значение предлогов раскрывается в контексте. Считается, что предлоги могут выражать следующие значения: пространственное, временное, объектное, причинное, целевое, сравнительное, образа действия, определительное и др. Устоявшимся современным взглядом на семантику предлогов является такое объяснение: предлоги имеют тесно связанные между собой лексическое и грамматическое значения; грамматические значения – это наиболее общие – падежные значения; лексические значения – это конкретизация грамматических значений: пространственные, временные, причинные и т. д.

Одни и те же предлоги в разных контекстах могут выражать разные отношения. Отражение отношений между вещью (предметом, референтом, денотатом), идеей (мышлением, понятием, значением, сигнификатом, десигнатом, вообще интерпретацией предмета) и именем (словом, знаком, текстом)... представляет собой один из самых фундаментальных вопросов семантики [Новиков, 1982, с. 7]. Считается, что содержание значения предлога – то или иное отношение, но выражать это отношение между словами есть в то же время и его синтаксическая функция. Содержание значения предлога, как и всякое понятие, можно было бы разложить на множество понятий, из которых каждое последующее было бы в меньшей степени общим, чем предыдущие. Так, содержание значения предлога *на* в сочетании *книга лежит на столе* можно было бы разложить на: 1) отношение вообще, 2) отношение между двумя предметами; 3) пространственное отношение между двумя предметами; 4) отношение между двумя предметами, из которых первый лежит на поверхности второго и т. п. [Стеблин-Каменский, 1974, с. 19 – 34]. Подобная конгрегация отношений и функций, наблюдаемая в служебном слове, делает его значение весьма сложным, особенно для кодификации в толковом словаре, требующей строгого и точного определения выполняемых служебным словом функций.

Что касается союза, то устоявшимся взглядом на него в лингвистике, как и на предлог, является признание единства его лексического и грамматического значений,

причем считается, что его лексическое значение релятивно и направлено на выражение смысловых отношений между единицами языка, то есть союз выполняет и квалифицирующую функцию. Союзы выражают отношения между языковыми единицами только в предложении, соответственно минимальным контекстом, в котором реализуется значение союза – это простое предложение.

Лингвистическая аксиома – в языке нет знаков без внутреннего содержания, как нет и его без знаков, – позволяет вывести логическое заключение: союзы обладают значением. Неоспорим и тот факт, что научная категория «отношение» весьма емкая. Поэтому необходимо уточнить сущность данной категории, а потом уже показать, какие отношения выражает союз. В философии отношение означает особую, опосредованную взаимосвязь состояний, свойств, связей на основе движения материи и ее атрибутов; в определенном отношении могут находиться только те стороны действительности, которые связаны между собой каким-то общим процессом. Следовательно, отношения играют важнейшую роль в познании объективной реальности, поскольку через них проявляются все свойства этой реальности, а отображаются они при помощи языковых знаков, то есть формулируются человеком. В языке же отношения имеют иной характер: здесь объектами отношения являются знаки, проявляющие свойства, определяемые языковой системой. В языке выделяют лексические, грамматические, интонационные и др. средства для передачи отношений. Служебные слова являются знаками, семантическое содержание которых – выражение отношений.

Существующее понимание категории отношения как проявление грамматической сущности языка вызывает определенные сомнения. Следует признать, что для грамматики категория отношения имеет существенное значение, но этим не исчерпывается распространение данной категории на язык. Поскольку категория отношения признается фактуальным отображением действительности, то в языке эта категория выражается в словах (в словесной картине мира). Следовательно, категория отношения распространяет свое действие и на лексику. Если бы союзы характеризовались только одним грамматическим значением, то мы бы не различали союзы по значению и не могли бы говорить об особенностях каждого из союзов.

Генерализующая ментальная деятельность прежде всего сосредоточена в сфере системы категории отношений (субъектно-объектных, атрибутивных,

обстоятельственных, темпоральных, каузальных, сравнительных и др.), которая имеет универсальный характер и формально маркирована в знаках, что обеспечивает их адекватное понимание и осмысление.

Таким образом, категория отношений представляет собой совокупность отвлеченных смыслов, которая сформирована прежним опытом языковой личности, и которая обеспечивает целостность и функционирование языка. Категория отношений вместе с концептами образует когнитивную сеть, которая, коррелируя со знаками и субзнаками, покрывает их во всем пространстве языковой деятельности, и может рассматриваться как ментальная составляющая языковой личности. Когнитивная сеть находится в непосредственной зависимости от логико-познавательных процессов и ментальной деятельности языковой личности. Она, как правило, базируется на связях предметов, явлений и ситуаций внеязыковой действительности. Оперативно реализуя постоянно появляющиеся мыслительные пропозиции, она позволяет выстраивать как иерархию событий, так и иерархию мыслей, передаваемых с помощью языковых знаков. Деятельность когнитивной сети заключается в систематическом прояснении необходимых связей знаков, в создании совершенной грамматики и синтаксиса. В свою очередь грамматика, задавая систему элементарных неопределяемых знаков, требует надзнакового наложения когнитивной сети для оперативного соотнесения с объективной действительностью. Определяя мир языковыми знаками и субзнаками, разлагая его до словарной единицы, она выступает пределом логического анализа. Особенность грамматической структуры языка точно определяет тип и способ функционирования знака.

Элементы и структурные отношения знаков и субзнаков отражают элементы и структурные отношения действительности. Союзы, в отличие от других служебных частей речи, в процессе выражения ими различных отношений между синтаксическими единицами в структуре высказывания усложняют его, создавая новые типы высказываний. Специфика союза как связующего знака заключается в том, что его присутствие в простой синтаксической конструкции не закреплено формально: союз, будучи компонентом синтаксической конструкции, сохраняет автономность, которая и является характерной особенностью грамматического поведения союза. Союзы, связывая словоформы внутри простого предложения, функционируют независимо от

грамматических характеристик этих словоформ, что, как представляется, возможно только благодаря когнитивной сети. В то же время, сохраняя автономность, союз включается в образование новых союзов со словами обладающими значением релятивности, то есть внутренне устройство союза позволяет соединяться его элементам с родственными элементами других слов. Таким образом, можно утверждать, что союз характеризуется открытостью своей структуры, что в свою очередь дает возможность языку регулярно пополнять этот класс служебных слов новыми образованиями. И хотя считается, что союзы сами по себе ничего не выражают, но в предложении и в предложениях они выполняют специфическую, присущую только им роль, которая заключается в функции связывания словоформ и простых предложений в сложные, представляется, что функция союзов (в силу преобладания лингвоцентрического описания в языкознании) не раскрыта в достаточной степени. Что же дает рассмотрение союзов с точки зрения антропоцентризма?

Итак, как правило, сложные предложения состоят из простых предложений и союзов, выступающих в роли логических операторов. Роль логических операторов в языке велика, поскольку они придают осмысленность всему сложному предложению, связывая его части между собой. Но некоторые союзы, определяя логику предложения, квалифицируют смысловую содержательность всего сложного предложения с точки зрения правильности/неправильности составляющих его частей. Рассмотрим один из союзов, входящих в следующий ряд: *если.., то; ни.., ни; неверно.., что*. Например, союз *если.., то*. Структурно данный союз состоит из двух компонентов: левого, который представлен словом *если* и правого компонента, представленного словом *то*, причем левый компонент имплицитно правый. Для языковой личности данный союз осознается как структура условных отношений, которая может быть заполнена бесконечным набором возможных языковых реализаций. Наполняя эту структуру конкретным содержанием, зависящим от потребностей языковой личности или описываемых событий, получим сложное предложение. Но его компоненты – простые предложения – могут быть реализованы именно в виде простых предложений, и тогда необходимость в союзе *если.., то* отпадает. Союз *если.., то* может быть реализован, например, в предложении такого содержания: *Если я вовремя выполню порученную мне работу, то я уеду домой*. Разложим это предложение на два простых: *Я вовремя*

выполню порученную мне работу; и Я уеду домой. С точки зрения грамматики – имеем два простых повествовательных предложения, утвердительных в смысловом отношении. Включение этих простых высказываний в структуру логического оператора изменяет содержательную характеристику каждого из высказывания в отдельности. В первой части сложного предложения *Если я выполню работу вовремя...* левый компонент союза *если ..., то* вносит в значение этой части сему «неуверенности» в том, что работа может быть выполнена. Отсюда вытекает, что проблематичной может стать реализация второй части сложного предложения, а именно, что *Я могу уехать домой.* Правый компонент союза *если..., то* манифестирует наличие левого компонента, тем самым поддерживая структуру всего логического оператора. Когнитивная сеть квалифицирует данный оператор как импликатор событий. В то же время импликация, реализованная в этой структуре, позволяет составить новое третье предложение, которое также может стать утвердительным, но в будущем.

Союз *если..., то* используется тогда, когда необходимо представить зависимость одного события от другого, и таким образом, данный союз выступает как готовая структура языка, используемая для описания зависимости между определенными событиями в одном сложном предложении. Можно утверждать, что союзы *если..., то, или, либо ни..., ни, неверно..., что* и др. в когнитивном пространстве языка выполняют значимые функции. Таким образом, союзы как субзнаки являются дифференциаторами синтаксических видов связи, одновременно выполняя квалифицирующую функцию, которая заключается в конкретизации отношений, возникающих между соединяемыми членами предложения или между предложениями.

Для частиц также характерна способность выражать различные отношения, что следует обозначить как их функциональную сущность; релятивность является их специфической особенностью как субзнака. Общепринятый взгляд на языковой знак как на лексическую единицу, характеризует ее четырьмя составляющими: именем (означающим), семантикой (означаемым), синтактикой и прагматикой. Семантика подразумевает передачу сведений «о классе называемых знаком вещей с общими свойствами или классе внеязыковых ситуаций, инвариантных относительно некоторых свойств участников и связывающих их отношений» [Апресян, 1974, с. 56]. Информация о правилах взаимодействия определенного знака с другим или другими знаками есть

синтактика этого знака. Информация, которая фиксирует отношение говорящего или адресата сообщения к конкретной речевой ситуации, составляет прагматику знака. «Семантика языкового знака отражает наивное понятие о вещи, свойстве, действии, процессе, событии и т. п.» [Апресян, 1974, с. 56].

Частицы в этом плане отличаются от предлогов и союзов тем, что если предлоги и союзы участвуют в высказывании в качестве нодусов (от лат. *Nodus* – узел) для актуализации грамматических и семантических или синтаксических функций, то функция частиц заключена в актуализации прагматической функции. Они в своем большинстве формируют коммуникативную структуру предложения, то есть обладают постоянным коммуникативным статусом. В связи с этим коммуникативная организация предложения, индуцируемая частицей, не может быть отменена другими средствами – ни порядком слов, ни даже интонацией [Апресян, 1988, с. 10 – 22]. Если в высказывании используется какой-либо элемент, то он должен обладать определенным значением на уровне коммуникации. Частицы субъективно модифицируют семантику, информативную структуру или прагматику высказывания, то есть выполняют функцию коммуникаторов высказывания.

Гипотетическая модель корреляции глубинных структур с поверхностными выглядит следующим образом. Адаптивное восприятие глубинных структур позволяет установить следующие механизмы работы мысли в когнитивном и языковом пространствах: конструкция глубинной структуры высказывания представляется нам в виде иерархически расположенных слоев следующих сетей: на нижнем слое располагается нейронная сеть, над ней – когнитивная сеть, третий слой представлен семантической сетью, а ассоциативно-вербальная сеть (термин Ю.Н. Караулова) [Караулов, 1999] представляется нам верхним слоем глубинной структуры высказывания. Служебные слова, выступая в функции нодусов, взаимно усиливают взаимодействие ассоциативно-вербальной, семантической, когнитивной и нейронной сетей. Поверхностная структура высказывания в свою очередь передает набор значений знаков и субзнаков и создаваемых ими отношений, которые и составляют выходные данные высказывания, его смысл. В то же время выходные данные становятся входными данными для языковой личности, выступающей в роли реципиента. Получая набор входных данных, передаваемых поверхностной структурой

высказывания, реципиент распознает набор значений знаков и субзнаков и образуемых ими отношений. Происходит понимание смысла высказывания, которое было заложено отправителем/создателем высказывания в его глубинную структуру. Следовательно, служебные слова как поверхностные субзнаки, указывая на наличие значения релятивности во фрейме (минимально необходимой структурированной информации, которая однозначно определяет какой-либо класс объектов), актуализируют возникающее отношение в контексте.

Таким образом, лексическая система языка в сознании языковой личности представлена частотными словами, к которым относятся служебные слова. Служебные слова не только принадлежат к самым частотным, но и обозначают самые общие отношения вещей и способы членения мысли. При интенции мысли языковая личность формирует глубинную структуру высказывания, проецируя на поверхностные структуры различные аспекты отношений, которые позволяют адекватно воспринять высказывание. Если отношения, складывающиеся между знаменательными словами, не требуют внимания со стороны другой языковой личности-реципиента, воспринимающей информацию, то отношения, формируемые служебными словами, требуют повышенного внимания. Совокупность грамматических и лексических значений, которыми обладает знаменательное слово, находится в диссипативном состоянии. Соединение знаменательного слова со служебным вызывает флуктуацию значений знаменательного слова на уровне контекста (предлог) или всего высказывания (союз/частица), в результате чего конвергенция субзнака со знаком приводит к формированию поля релятивности между ними, или динамический фрейм, своего рода рамку, в которой служебное слово актуализирует тот или иной аспект релятивности. При этом создаваемая конгрегация связей между субзнаком и знаками в структуре высказывания позволяет говорить о гиперрелятивности служебного слова. Поступательное развитие мышления человека как *Homo sapiens* постоянно усложняло знаковые представления системы отношений. Эту функцию в языке выполняют служебные слова, для которых морфологическая неизменяемость стала основой привлечения их в качестве поверхностных субзнаков глубинных структур высказывания. Этим определяется и стабильно высокая частота употребления в большей степени производных служебных слов. Проблема представления всего

многообразия отношений, имеющих в арсенале мышления, таким образом, решается с помощью служебных слов, количественный состав которых постоянно увеличивается.

Библиография

Апресян, Ю.Д., Лексическая семантика (синонимические средства языка), Москва, 1974.

Апресян, Ю.Д., Типы коммуникативной информации для толкового словаря, [в] Язык: система и функционирование, Москва, 1988.

Гладров, В., Что такое структурные слова? О вопросе частей речи как проблеме взаимообусловленности уровней языка, [в] Труды и материалы. 2 Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность». Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова. 18 – 21 марта 2004 г., Москва, 2004.

Денисов, П.Н., Принципы отбора лексики для учебных словарей, [в] Вопросы учебной Лексикографии, Москва, 1969.

Денисов, П.Н., Место и роль самых многозначных слов в лексической системе языка [в] Слово в грамматике и словаре, Москва, 1984.

Засорина, Л.Н., Автоматизация и статистика в лексикографии, Ленинград, 1966.

Зиновьев, А.А., Очерки комплексной логики, Москва, 2000.

Золотова, Г.А., Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского Синтаксиса, Москва, 1988.

Иванов, Вяч. Вс., Чет и нечет. Асимметрия мозга и знаковых систем, Москва, 1978.

Караулов, Ю.Н., Русский язык и языковая личность, Москва, 1987.

Караулов, Ю.Н., Гинзбург Е.Л., Опыт типологизации авторских словарей, [в] Русская авторская лексикография XIX – XX веков. Антология, Москва, 2003.

Караулов, Ю.Н., Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть, Москва, 1999.

Кубрякова, Е.С., Демьянков, В.З., Панкрац, Ю.Г., Лузина, Л.Г., Краткий словарь когнитивных терминов, Москва, 1997.

Новиков, Л.А., Семантика русского языка, Москва, 1982.

Пиаже, Жан, Схемы действия и усвоение языка, [в] Семиотика, Москва, 1983.

Пинкер, Стивен, Язык как инстинкт, Москва, 2004.

Рогожникова, Р.П., Словарь сочетаний, эквивалентных слову, Москва, 1983.

Словарь структурных слов русского языка, Москва, 1997.

Стеблин-Каменский М.И. К вопросу о частях речи. Спорное в языкознании, Ленинград, 1974.

Черемисина, М. И., Союз как лексическая единица (Лексема или функция?) [в] Актуальные проблемы лексикологии: Доклады 3 Межвузовской конференции 3 – 7 мая 1971 г., Новосибирск, 1972.

Черкасова, Е.Т., Переход полнозначных слов в предлоги, Москва, 1967.